

Самуил Шварцбанд

ЛЕТАРТИЯ

и е р у с а л и м

1 9 9 5

Самуил Шварцбанд

ЛЕГЛАРТИЯ

Таше и Юре Кошкеру -
далеким,
Близким.

25.03.95

Сенд.

и е р у с а л и м

1 9 9 5

Samuel Schwarzband

Lethaigia

© by S.Schwarzband
All rights reserved

ISBN 965-90005-2-9

FSW Publications

The Fund for the Support of Russian speaking Writers (FSW) was established as a philanthropic organization which assists Russian speaking writers in publishing their books. The FSW subsidizes publications of fiction editions such as poetry, prose, drama, translations, etc., based on the principle of giving opportunities to artistic and creative people to realize their potential. The fixed capital of the FSW consists of philanthropic donations from different organizations and private persons.

For contacts: G.Weiss & M. Korol, P.O.B. 6957
Jerusalem 91060, Israel

Printed in Israel

Jerusalem
1995

*...Проклятая муза – старуха, ну чем
Меня соблазняешь, дуреха?..
Я мучился вовсе не поиском тем,
В ночи задыхаясь от вдоха.*

*Мне воздуха мало, не то что твоих
Давно надоевших бряцаний
О том, что случайно навеянный стих
Не хуже небесных мерцаний.*

*Но мне-то известно – без иктов и без
Игры абсолютного слуха, –
Что жизни всегда остается в обрез!
Не так ли, болтливая шлюха?*

*А я получаю от каждого дня
Какие-то жалкие крохи...
Ну, что ты опять караулишь меня
На выдохе, а не на вдохе?..*

К И Н Е Д Е Т

**Мне песней в гортани чужой не согреться
И дерзкою костью в ней не застрячь,
И музыкой звуков — от баса до меццо —
Еще никого не дано воскрешать.**

**Но если метафоры выплывут в строчке,
Как нефть из потопленных в море марин,
Кому-то, быть может, покажутся точки
Большее горошин под пухом перин.**

**И утром сквозь сполохи памяти рваной,
Постигнет внезапно он замысел мой:
Собрать оба моря в гортань Иордана
И затянуть их одною петлей...**

В *Эйн-Геди* погружаюсь в глицерин.
В *Эйн-Геве* пью живительную влагу.
Как будто мне с рожденья до седин
Дан белый лист в забаву и отвагу.

Но не стихи, а жизнь моя нова,
Хоть и не стоит медного обола.
Вот почему неважно, что слова
Подчинены мгновенью произвола,

В то время как любую ерунду
Готов я мерить музыкой созвучий
И аффиксы растеривать в бреду,
На смыслы опираясь и на случай.

И критику прогорклую друзей
Глотать микстурой в боли говоренья,
И среди рифм выпалывать пырей
Глагольных пауз, как траву забвенья.

И умиляться радостью: уже
Все позабыл и, кажется, не вспомню,
Зачем для рифмы выдумал "фужер"
И для чего припас "каменоломню"...

Дорога из Иеріхо в Бейт-Шеан
Сверкает, словно пятки проходимца,
И, кажется, додумывает шанс
За первым поворотом раствориться.

Жара, как наваждение. И ржа
Скользит по склонам в сколок Иордана,
Пока дорога, в мареве дрожа,
Вприпрыжку скачет к городу тирана...

Он был угрюм, и скуп, и нелюдим,
Чужая кровь на камнях, словно кетчуп.
И по траве чуть стелющийся дым
От криков гладиаторов трепещет.

Наполнен гулом зрителей ушат
Амфитеатра, и гогочут бани...
А в поднебесье аисты кружат,
Высматривая гнезда в Бейт-Шеане...

Когда, отравившись от полуглотка
Раствора Содомского моря,
Пытаюсь бежать, как от черновика,
По гравию соли и горя

На берег Кинерета, кажется мне,
Что я, вопреки тяготенью,
Пройду по созвездиям и по волне
Почти что бесплотную тенью.

И, сладкой водою себя опоив,
Как шуткою с детства знакомой,
В убежище тесном от зарослей ив
Забуду о соли Содома...

Напрасно... Селенья зудят ворожкой
На синем кинеретском блюде —
И я не могу пробежать над водой,
И звезд не могу я коснуться...

Б.Кацу

Пока скворчит от запаха нагорий
На угольках апостольский амнон,
Как иудей в молитвенном уборе,
Под вздохи волн евангельских историй
В снегу дрожит над озером Хермон.

Но благодать мирского и морского,
Забрызганного солнцем ветерка
Касается минутного улова
Людей, давно не ведающих крова,
Добравшихся сюда издалека.

На берегу в кинеретской оправе
Так сладко рыбу сдабривать вином,
А души пусть, готовясь к переправе,
Между собой о подвигах и славе
Поговорят когда-нибудь потом...

Шуршит кора седая эвкалиптов
И на Мерон восходит дымка мглы,
Дописывая вечности постскрипtum
К таинственным загадкам Каббалы.

Сон не идет. Я тайнам не обучен.
Собой не озабочен. И во тьме
Рассматриваю жизнь как частный случай
Всеобщего бессмертья. И ко мне

Не скатятся созвездья, а за ними
По краю серебристых облаков
Неряшливо одетые равнины
Не приведут своих учеников.

Но, если живы мы еще и профиль
Кинерета в долине не погас,
Свари-ка, друг, по-бедуински кофе,
А вечность обойдется и без нас...

Над весенней разлапистой кроной,
Подарившей минутный приют,
Облака от молитвы и звона
Колокольного к Цфату плывут.

Да и сам я, покоя не зная,
Устремляюсь на север один
От проклятых вопросов Синая
И от мерно трясущихся спин.

Может, там, в небесах моих предков,
Я словом переброшусь с Творцом
О пахучих сиреневых ветках
Над давно позабытым крыльцом...

Среди похоти, смеха и стонов
В сытой гари ночных променад
Вас не тронут надгробья гаонов
В желтом трепете свеч и лампад.

И не вспыхнут в морщинистых скалах
Палимпсесты пещер и щелей:
Ты имперскою, Тверия, стала
И забыла о славе своей.

Босоногая Тивериада,
Опустившая пятки в залив,
Ничего от тебя мне не надо
За имперский твой императив...

Пусть волны мне шепчут: "Ночи и дни
Терпи, человек, вдохновенье
И воды живые до смерти гони
В тяжелые воды забвенья", —

Я знаю, Содом и Кинерет одной
Повязаны нитью потока:
Две смерти — от мертвой воды и живой —
Поэтам даны и пророкам.

В а л ь с ы

Пока серебрится дождик и парк
Гладко причесан,
Я не уйду от тебя во мрак
Вслед за вопросом.
Ты же и думать забудь о том,
Что порознь — слаще.
Срезал с канала фонарь веслом
Маковку башни.
У Бастионки шуршат шаги
По листьям липким.
Только прошу об одном — не лги
Пушкинской рыбке
И ничего не проси у нее,
Даже былинки...
Пусть серебрится счастье мое
Как паутинки, дождинки, слезинки...

От горя ли, спяну ли, сдуру
Ревнуют, грустят, изменяют?..
А я твои письма читаю,
Хоть знаю мужскую натуру
И женскую чуточку знаю,
Не хуже, чем литературу.

Где раньше алтайские кедры
Шептали мне над Чулышманом:
"Ну, что ты за самообманом
Несешься по свету?", - там ветры
Спешат рассовать километры
Разлук по дырявым карманам.

Вот так был судьбою отмечен
По образу я и подобью
Катуни и Бии, чтоб Обью
Сквозь темные дебри и речи
Бежать от разлуки до встречи
Двужильной речною любовью...

В зеленых расщелинах Гарца
Под небом с тоской пополам
Вдогонку кричать и прощаться
Еще не предписано нам.

И в синих немецких долинах,
Похожих на иконостас,
Мешаться с комочками глины
Пока что не просят от нас.

Неведомы смертные сроки
Ни мне, ни тебе, хоть восток
Уже на цветущие дроки
Яичный нанес порошок.

Но в нашей назначенной встрече
Ни капельки нет от конца,
И лишними кажутся речи
При тихом свеченьи лица.

Темнеет. Разгадки былого
Ложатся на вязь бересты —
И нет во вселенной ни слова
Свободного от немоты...

На грязном побережье Лимасоля
Сидеть и вдаль заглядывать вдвоем
Нам довелось, и в сумеречной соли
Шипящих брызг, резвящихся на воле,
Не говорилось даже о былом.

Пилили воздух скучные цикады.
В гостиницах устраивался люд.
И только длинноногие наяды,
Медлительнее строчек Илиады,
Освобождались от белесых пут...

И нам, еще присутствующим в чуде
Рождения натурщиц или шлюх,
Приоткрывалось таинство — не груди,
Бесстыдно мельтешащие на блюде
Лагуны розовеющей, а дух
Забавно огорчаемых старух...

Мне не хватает памяти для снов,
Избыточно потраченной в ночи
Не то на дым, не то на часослов
Колеблющихся в небе светлячков,
Затерянных во мраке, как ключи.

И в книжной мути не хватает мне
Каких-нибудь двенадцати страниц,
Написанных с рождения в огне
Среди чудовищ или же на дне
Сознания — вне образов и лиц.

Мне не хватает... Боже, не гневи...
Ты далеко... Я — за морем... А Рим,
Садясь перед фонтанами Треви
Опять бормочет что-то о любви
Чуть хрипловатым голосом твоим...

...Как легкомысленно считаем:
 Мол, все пути приводят в Рим.
 А человек — непостигаем,
 И потому — неповторим,

Неповторим и не подвластен
 Господней воле! Оттого
 Бессонный Рим в избытке страсти,
 Быть может, будущее застит,
 Но не итожит ничего.

Недаром ангелы вдогонку
 Бормочут горечь идиом,
 Благословляя не бетонку,
 А свет, плывущий над крылом...

Читаю "Песню Песней" и твержу
Ее слова: "Возлюбленный, беги...",
А сам в жаре полуденной дрожу,
И каждый шаг твой чутко сторожу,
И сил нет руку вырвать из руки...

Бубню я "Песню Песней" у костра,
Шепчу ее при утренней звезде,
Хоть знаю: жизнь седее серебра
И у любви нет большего добра,
Чем сердце подготавливать к беде.

"Беги, возлюбленный, беги..." — и не бегу,
"Побудь со мной, возлюбленный..." —
и прочь...

Бессмысленна, как саван на снегу,
На черный день отложенная ночь...

п и с ь м а

Р о з е

Я, как и все, в своем житейском сне
Пьянел от муки радости и горя:
Сожги со мной все рукописи, мне
В летеиской хвори надобно другое.

Слова всегда не боле, чем слова.
И жизнь не меньше смерти и не больше.
Но все имеют равные права.
И счастье только кажется, что дольше
Бегущих стрелок времени на круг
Разлуки предстоящей... И затишье
Поэтому разгладит, как уют,
Измятые во рту четверостишья.

Их перечтут? Какая прибыль в том...
Забудут их? Ни боли, ни мороки...
Еще я есть, но без меня — потом —
Окажутся бессмысленными строки.

Вот почему, пишу или кричу,
Я все равно из человеческой речи
Летеиское безмолвие учу,
Труднейшее из мыслимых наречий.

В. Б.

Может, гадая на древней пасхалии,
Таллиннский ветер бы спутал судьбу,
Или осиновый трепет Латгалии
Вместо тебя бы улегся в гробу?

Впрочем, не миррою и не сандалом
Благоухает страсть и страда
В мире подлунном, а потом и салом,
Чтоб от беды не осталось следа.

Кто же потом — *после жизни* — проверит?
Разве почувствуешь боль за версту?..
Вот и нисходят поэты в Нацерет,
Будто рождественский свет в темноту.

Ю. Г.

От струны и клавиш
Не найти спасенья,
Только жизнь отравишь
Чудом воскресенья.

Но и детской сласти
Нет в чужом молчаньи...
Впрочем, кроме страсти,
Разве есть страданье?..

Не горюй о славе,
Приторной и лживой:
От струны и клавиш
Не бывать нам живу...

Е. Н.

Брожу ли в рассветной пене,
Тону ли в ночном бреду, —
За мною бредут две тени,
Которые я веду
С Алтая к лесам Хеврона
Под кроны зеленых фиг.
Как будто без них Харона
И Стикса бы не достиг?..

Но две ольхи над крышей,
И пух тополей в окне,
И все, чем дышал и выжил,
И все, что не сжег во сне, —

**Выводят из адских скважин
Туда, где в исходе дня
Две тени стоят на страже
Грядущего. Без меня...**

Б. Б.

Ты обо мне не спрашивай у ветра.
Я никогда с ним дружбы не водил,
За это в колоннаду Сан-Пиетро
Меня он римской ночью не водил.

Пустьашными вопросами не мучай
Коварный полумесяц обо мне:
Фальшивку он мечетям даже всучит,
Качаясь на изогнутой спине.

И в серых щелях Котеля писульки,
Ища мою, прошу, — не вороши:
Я никогда не всаживал, как пульки,
Молитвы сиротеющей души.

А впрочем, если древние запреты
Не превратились в умерший фольклор,
Пусть наши души, теплые от света,
Ведут теперь неспешный разговор...

Ю. Л.

Тяжелей, чем булыжник, письмо... Не спеши:
К этой мысли привыкнуть еще ты успеешь...
Рядом нету ни доброй, ни скромной души,
Только тени, при виде которых немеешь.

"...А в Париже березы не хуже, чем те,
От которых в Рязани с ума посходили..." —
Шепчет дождь заблудившейся в парке чете,
Нарушая каноны и стили.

Здесь, в саду Люксембургском, листья шуршат
И глазеет у Сены бронзовый Поло
На подносы, откуда моллюски вершат
Суд из раковин голых, легко и бесполо.

В ярком свете окон и рекламных шутих,
Протянувшись над сонною Сеной,
Дождь бормочет случайным прохожим:
"Юр.Мих."

И стучит по асфальту
безмозглой вселенной...

Е. А.

Не во времени и не в пространстве
Разминулись — и, словно стрижи,
На маршрутах далеких странствий
Чертят образы виражи.

По какому не вспомню случаю
Дали крылья мне тоже, и вот
Окаянными строчками мучаю
Сам себя я который год.

И хотя я от них независим
(Хоть и душу до крови сбил),
Я забыл адреса для писем,
Да и марки наклеить забыл...

И уже не стрижи-соколики
Виражами в горючей мгле,
А почтовые треугольники
Бьются крыльями по земле.

1789-1989

Ф. Ф.

Мы к Альбиону плыли на пароме —
И тлели звезды углями вдали,
Пока в Париже, словно при погроме,
Хоругви Революции несли.

Катились волны прочь от гильотины —
И виделись нам в свете маяков
То головы бурбонские, то спины
Вандейских и поволжских мужиков.

А над паромом, сплевывая горе,
Торжественно-кровавой чередой
Всходили братья наши, и на створе
Двух стран луна казалась головой:

За тучи серебристые иль в плавни
Она плыла с проклятьем на устах,
Как веки Вию, открывая ставни
На Гревской и на Красной площадях...

Смердило кровью, потом и резиной.
Скрипела ночь. Раскачивался сон.
И не паром, а головы в корзине
Встречал наутро сонный Альбион...

Л. Г.

Изумрудны стеклышки осколков
Стеклотары нищего вина:
Нам не умереть от перетолков
И не очочуриться от сна.

Вот и ты был выписан из "Книги
(С подленькой добавкой) домовой",
Чтоб по закоулкам Старой Риги
Не спешил с надеждами домой.

Больше не сбежишь от домочадцев
В первый переполненный состав,
Чтоб на шпалах в Дубултах качаться,
Вывихнув у Майори сустав.

Надо же как доля начудила?
Вырвала последний корешок,
По реке веночком запустила
И в стаканы вовсе не "чернила",
Судьбы разлила на посошок...

Е. С.

Не привидятся мне монотонные сны
Петербургских дождей, не приснится
Минаретная зелень голодной весны
Над Невую озябшей, как птица.

Впрочем, я не об этом... Скорей, о другом —
По касательной к образу и под углом
К траектории судеб, поэм и наград
В иудейскую ночь бормочу наугад:

"Так написано, видимо, мне на роду
Среди рухляди ветхозаветной:
На Васильевский остров я не приду
И не лягу на камни Монетной..."

М. Б.

Я плачу во снах, потому что не плачу
Почти никогда наяву.
И лучшие сны я транжирю... как сдачу,
Которую детям дают на халву.

Я плачу во снах от пустяшной картинки
Застывшего неба над пенной грядой,
А сны (как и платье от штопки и стирки)
То куцы, то жмут, напивавшись слезой...

Я плачу во снах, безутешно и глупо.
И жалеюсь снам на себя. Но к утру
Душа, наглотившись соленого супа,
Уже не страшится стоять на ветру...

В. Щ.

Выпадет ли дальняя дорога,
Ляжет ли казенный рядом дом, —
Яда достается нам немного,
Да и то он действует потом.

Я устал печалиться и длиться,
Колдовать над клинописью слов,
И в тоске приветливые лица
Привечать под марлей облаков...

Надоели радости и споры,
Досыта накормлен суетой.
Скоро сам купе займу я в "Скором"
И отправлюсь налегке домой.

И когда над Краковом плебею
Аист померещится во тьме,
Улыбнусь из облака тебе я,
Как бывало прежде на земле...

В. П.

Перевернутым "Т" францисканцев
Монастырь на вершину холма
Выплывал. И гортань иностранцев
Немотою сводило с ума.

Не боясь потревожить молебен,
Я впервые завидовал мгле,
Нисходящей в долину, а в небе
Белый остов грустил по земле.

Вот и все... Барельефом на фризе
Сквозь молочную дымку небес
Перед нами молился Ассизи
Без лукавства и горечи без.

Но за то, что был город содеян
На стигматах веселых долин,
Показалось нам, двум иудеям, —
Божий мир ни на что не делим...

А . Р .

Пригоршню звезд в решето мироздания,
Словно муку, сыпанула весна.
Тусклого камня озноб и дыханье,
Черствый витраж в проеме окна.

Издали кажется платьем кисейным
Кельнский собор, а вблизи — камнепад...
Может, так черти хохочут над Рейном,
Или деревья от боли трубят?

Мне бы сбежать от фольксдойчевых песен
Пьяной толпы под залатанный свод,
Чтобы увидеть сквозь липкую плесень
Звезд, как ведется в раю хоровод...

А. К.

Моя биография? Ради чего
Писать о действительных датах
И в третьем лице тарабарить: "Его
Тогда-то сдавали в солдаты..."

Пусть лучше тире (в календарном ряду
Цифрей) ложится на кафель.
Но я, проживя безымянным в аду,
Из гнусной эпохи спокойно уйду
Без дыма и без биографий.

Б. К.

Художник — не линза, а призма.

И это обыденный факт.

Родился я в ночь катаклизма,

Точнее — в последний антракт.

Анкетные данные сухи.

К тому ж — неочищенный тон.

Вот ходят какие-то слухи,

Что, дескать, пишу про Сион.

Да что мне, потомку Спинозы,

Проталинка странной страны,

Откуда погонят-попросят

За те же безумные сны?

И все же, не требуя доли
В грядущем, живу не за страх
И даже не ставлю бемоли
Давлению в белых висках...

И. В.

Я тку за пятнадцать грошей полотно
И связан с работой расчетом.
А сколько Всевышнему стоит сукно,
Судьбу из которого шьет Он?

Когда обрывается тонкая нить —
Старания зряшны и лишни:
Другую во времени вечном струить
Нить начинает Всевышний...

А я завяжу узелок — волокно
На пальцы ложится... Чего там...
Я тку за пятнадцать грошей полотно, —
Возьми их, Господь, за работу.

с у д б о т а

**Все в порядке: я день начинаю
Не с вечерней зарей, а в рассвет,
И обеты я не соблюдаю,
Если им — не три тысячи лет.**

**Очень скоро, заполнив по форме,
Я анкеты Шаддаю отдам, —
Он такими плодами накормит,
Что от зависти лопнет Адам.**

**Но за это живу без заботы,
Ежедневное дло торжество
И не свечкой встречаю субботу,
А работой во Имя Его...**

"У Нисима" всегда перед субботой
Полно людей, как мошкары в траве,
И весело за мясом до икоты
Перемывают косточки братве..

Подчас и я, устав от завиранья,
Сижу за рюмкой водки и гляжу
На лица — образцы чистописанья —
Понятные раввину и ежу.

Дурак в кожанке с рожей нувориша,
Поэт-хабадник, дамочка с бедой
И пьяница — одним четверостишьем
Готовы стать за пивом и едой.

А рядом с ними, ерник и художник,
Балдея от шипенья шашлыков,
Завертывает позы в подорожник
Придуманных полотен и листов.

"У Нисима" всегда перед субботой
От русской речи синие столбы —
Как будто дожидаются кого-то
В базарный час накормленной судьбы...

"Ты живешь, и хуже — не будет" —
Это сказано было давно.
Только сердце по-прежнему нудит,
Разгоняя по венам вино,

Превращенное в уксус за ночи
Перебранки с собою самим,
И вдогонку словам кровоточит
Недосказанным горем своим.

Подсластить бы прошедшим, да Русью
Пахнут стойкие абрисы луж...
Ничего. Как-нибудь обойдусь я
Терпким привкусом жизни и дружб...

В отказе я придумывал забаву,
Пока над Ригой дождик моросил:
Наступит час торжественный во славу
Того, чье Имя не произносил, —

Тогда я, мерзость плена отряхая
В дорожный прах, без умысла и зла
Проговорю: "Провинция глухая
Величественный Рим пережила..."

Но жизнь умней, чем рижские обеты.
И на устах у Мусорных ворот
Лежит печать, как царственное вето,
И говорить о прошлом не дает.

Тихие сумерки. Воздух рассеян.
Дышат прохладой камни уже.
Вот и звезда, повернувшись на север,
Стала желтей на небесном верже.

Время торжественно стелит, как свитки,
Тени на сизых террасах холмов.
Старый еврей в белоснежной накидке
Шепчет натруженно кружево слов.

Следом по лестницам Капитолины
Под колокольный нищающий звон
Через руины призыв муэдзина
Мерной походкой крадется в Сион.

Смолкли молитвы. И праздничный вечер
От Тальпиота катит луну
В черную пасть Бен-Гиннома, где вечность
Тоже отходит ко сну...

Памяти И. А. Дейфта

На самом краю преисподней
Стою, засмотревшись в овраг:
Подумаешь, страсти Господни
В анналах еврейских писак?

Нам тоже достались упреки,
Узилища, смех палачей
И вера, что близятся сроки
Последних предсказанных дней.

Но, миссию спутав с Мессией,
Посмели из дома уйти —
И грязь по столетьям месили,
И чуда дождались в пути,

И поле горшечника вместе
С прудами без капли воды
Увидели, чтобы на месте
Приветствовать Божьи суды...

Ударит по дну преисподней
Скатившийся камешек злой:
Подумаешь, страсти Господни
В сравненьи с еврейской судьбой...

Никому ничего я не должен теперь.
У итогов простые понятия.
Даже тень моя стала похожа на "ерь"
Без привычно-приличного платья.

И в дорогу, латая пустую суму,
Собираю свой скарб по сусекам:
Мне известно давно, что не нужен Ему
Летаргический век человека.

Ну и пусть... А пока, обалдев от весны,
Песнопения ждет Он, ликуя,
Я такие поведаю ангелам сны,
Что они по земле затоскуют...

За сиреновой тенью дороги
(Если влево свернуть от нее)
Собираются местные боги,
Словно мухи, на дело свое.

Надоело газетное племя,
Опротивел семейственный рой
Безбородых мишнянов. А время
Пахнет зрелой осенней порой.

Судный воздух Иерусалима,
Первый дождь набирает петит,
Жизнь проходит. И мимо, и мимо
Над Санхедрией ангел летит...

Ангел смерти без боли и грусти
Поцелует в спокойный висок
И грехи мои (в рифму) отпустит,
А потом пригласит на чаек.

Там, в раю, из добротной посуды
Напоит меня горечью трав —
И постигну я тайны Талмуда,
Приговор над собою признав.

Но, лукаво чаи разливая,
На прощанье шепнет Адонай:
"Ад ничем не отличен от рая.
Так что смело из рая ступай".

Выйдем вместе, и (милости ради,
Если дождик еще не пошел)
Мимо синематеки и вади
Сам укажет дорогу в Шеол...

Свершится только то, что было
Уже под солнцем и луной.
...Заря небесные чернила
Смешает с кровью и с водой —

Положит кляксы и курсивы
В извечной Книге на листы:
Страницы горя — молчаливы,
Страницы радости — чисты.

И лишь, как свет звезды погибшей,
Мерцают души наяву...
А Ты им шепчешь, друг Всевышний,
О том, как я еще живу.

**Качается в озере лодка заката
И мерная бьется о берег волна,
Как будто последняя выдана карта,
Хоть ставка не та и дырява мошна.**

**Крапленными брызгами — тени, а дрема —
Нежнее, чем кожа вечерней сосны:
Качайся, пока еще можешь, кулема,
Досматривай жизнь, как досматривал сны...**

С О Д Е Р Ж А Н И Е

Проклятая Муза – старуха, ну чем...3

Кинерет

Мне песней в гортани чужой не согреться...	7
В Эйн-Геди погружаюсь в глицерин...	8
Дорога из Иерихо в Бейт-Шеан...	10
Когда, отравившись от полуглотка...	12
Пока скворчит от запаха нагорий...	14
Шуршит кора седая эвкалиптов...	16
Над весенней разлапистой кроной...	18
Среди похоти, смеха и стонов...	19
Пусть волны мне шепчут: "Ночи и дни..."	20

Вальсы

Пока серебрится дождик и парк...	23
От горя ли, спьяну ли, сдуру...	24
В зеленых расщелинах Гарца...	26
На грязном побережье Лимасоля...	28
Мне не хватает памяти для снов...	30
Как легкомысленно считаем...	31
Читаю "Песню Песней" и твержу...	32

Письма

Я, как и все, в своем житейском сне...	34
Может, гадая на древней пасхалии...	36
От струны и клавиш...	37
Брожу ли в рассветной пене...	38
Ты обо мне не спрашивай у ветра...	40
Тяжелей, чем булыжник, письмо... Не спеши...	42

Не во времени и не в пространстве...	44
Мы к Альбиону плыли на пароме...	46
Изумрудны стеклышки осколков...	48
Не привидятся мне монотонные сны...	50
Я плачу во снах, потому что не плачу...	51
Выпадет ли дальняя дорога...	52
Перевернутым "Т" францисканцев...	54
Пригоршню звезд в решето мироздания...	56
Моя биография? Ради чего...	57
Художник – не линза, а призма...	58
Я тку за пятнадцать грошей полотно...	60

Суббота

Все в порядке: я день начинаю...	63
У "Нисима" всегда перед субботой...	64
"Ты живешь, и хуже – не будет..."	66
В отказе я придумывал забаву...	67
Тихие сумерки. Воздух рассеян...	68
На самом краю преисподней...	70
Никому ничего я не должен теперь...	72
За сиреновой тенью дороги...	73
Ангел смерти без боли и грусти...	74
Свершится только то, что было...	76
Качается в озере лодка заката...	77

